

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 1340-1358. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.1340
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Russian Concessions on the Yalu River, 1897–1903: Who and How Formed the Opinion of Nicholas II about the "Korean Vector" of Imperial Politics in the Far East on the Eve of the Russo-Japanese War

Pavel N. Dudin ^{a,*}

^a East-Siberian State University and Technology and Management, Russian Federation

Abstract

The article explores the process of changing the emperor's opinion regarding Russian policy on the Korean Peninsula, which led to the war with Japan in 1904, based on previously unpublished documents of the Russian State Historical Archive addressed to Nicholas II. The main goal of the article is the historical and political characterization of the reasoning for securing Russian strategic interests on the Korean Peninsula and East Asia, presented to Nicholas II by representatives of "Bezobazov Circle" between the time of N.G. Matyunin was the first charge d'affaires with Korea and the creation of vicerealty in the Far East. A related goal was the introduction into the scientific circulation of new documents containing the reflection of events that were turning points for Russia and entailed irreversible social and political processes that led to the disaster of 1917. Having regard the poor amount of scientific material and research positions on this issue, and a number of clichés formed in the Soviet period in relation to the events and personalities studied, the scientific novelty of the work presented are an attempt to rethink the arguments and actions of the participants of the "Korean project" is not from the perspective of court intrigues and struggle for influence and in the light of the imperial ideology and the natural needs of the process of expansion of the Russian empire in the Far East. For the first time in Russian historiography, not extracts from documents are presented, but parts of them that allow the reader to independently conclude the validity of the author's judgment. Particular attention is paid to arguments calling for the strengthening of Russia's position in the region and the mechanisms for their support, since, after a century, this task has not lost its relevance. In the end, conclusions are drawn that differ from the position established in science about the reasons for the failure of the investigated project and the role of each of its participants. The main conclusion is that Nicholas II often received "refined" information during active attempts to manipulate his consciousness and beliefs, which led to a change in his opinion about Russia's foreign policy in this direction but did not ensure the success of the project.

Keywords: concessions on the Yalu River, A.M. Bezobrazov, Nicholas II, S.Yu. Witte, V.M. Vonlyarlyarscy, empire, East Asia, Far East, Korea, Japan.

1. Введение

Современное состояние внешней политики России на Дальнем Востоке и в Восточной Азии в целом свидетельствует, что задачи, которые ставила перед собой наша страна на рубеже XIX–XX – в середине XX вв. не утратили своей значимости: безопасность восточных границ и ограничение китайского влияния в их пределах (Пешков, 2014: 46), незамерзающие порты (Дацышен, 2016: 26), воплощение концепции «Русского Мира» и т.д. Любопытно, но вся дальневосточная политика в конце XIX – начале XX вв., используя современную терминологию, строилась по проектному принципу. В результате практически все начинания в этом направлении закончились успехом, будь

* Corresponding author

E-mail addresses: dudin2pavel@gmail.com (P.N. Dudin)

то «проект КВЖД», вынужденно завершившийся в 1935 г. (Дацышен, 2018: 38-52), «монгольский проект» по созданию буфера из автономной Халхи между Россией и молодой Китайской Республикой, «тувинский проект» или «баргинский проект» (Цыбенков, 2017: 65-76) с аналогичной целью в Танну-Туве и Хулунбуире (Барге). Лишь два из них – «корейский проект», о котором речь пойдет в настоящей статье, и «проект Желтороссия» (Курас и др., 2018: 54-66) – окончились неудачей для имперских амбиций, и два – Кудунская (Цыремпилов, 2015: 61-70) и Даурская (Курас, 2015: 84-96) – для теократии, после крушения Российской империи. Но, несмотря на это, каждый из проектов имел целью формирование институтов, которые успешно создавала и включала Россия в механизм своего стратегического (невоенного) присутствия в регионе Восточной Азии.

Исходя из сказанного, в рамках нашего исследования под формулировкой «корейский проект» мы понимаем стратегический план и тактическое видение его воплощения в жизнь по консолидации всех концессий (как единственной существующей (Романов, 1928: 385), так и потенциально возможных) и прочих коммерческих и общественных ресурсов и усилий в виде единой официально созданной и функционирующей организации, способной эффективно обеспечить российское стратегическое присутствие на Корейском полуострове и части Дальнего Востока в 1898–1903 гг. Достижение обозначенной «проектом» цели взялись обеспечить люди разного происхождения, профессиональной принадлежности, взглядов на внешнюю политику и своих устремлений, но все они на протяжении более чем вековой истории нашего государства объединены по фамилии одного из главных стяжателей – «безобразовцы».

Клише «безобразовцы» или «безобразовская клика», благодаря в первую очередь, советской пропаганде, прочно и надолго вошло в обиход научной и околонушной общественности при упоминании о российской политике в Корее в преддверии Русско-японской войны. Вместе с тем С.Ю. Витте, будучи сам участником этих событий, также не стеснялся в клише и хлестких выражениях в отношении как Александра Михайловича Безобразова, так и его окружения. В своих мемуарах он характеризовал его как представителя «целой плеяды авантюристов, проявивших себя в последнее время в России, как-то: Вонлярлярский, Матюнин, ротмистр Санин и другие» (Витте, 1924: 148). Б.А. Романов писал, что «от этого проекта пахло «священной дружиной» (Романов, 1928: 387), а сами «безобразовцы» называли себя «штабом» (по В.М. Вонлярлярскому, «мы – штаб») (Романов, 1928: 388). «Большая советская энциклопедия» пишет о А.М. Безобразове как об одном из инициаторов «авантюристской политики царского правительства на Дальнем Востоке в период с 1896 по 1904. ... Выдвинулся своими проектами экономического захвата Кореи и юж. Маньчжурии, к-рые он проводил, благодаря своим связям при царском дворе...» (БСЭ, 1927: 208-209). И хотя, безусловно, поводов к войне хватало и без него (об этом – несколько слов в заключении настоящей статьи), Александр Михайлович внес свой «посильный вклад» в это дело.

Имея и рядовых, и высокопоставленных сторонников, он сумел повлиять на позицию императора в отношении как «корейского вектора» дальневосточной политики, так и учреждения наместничества, в связи с чем нам было бы интересно ознакомиться с той официальной аргументацией, которая поступала непосредственно Николаю II от А.М. Безобразова и его сподвижников, называвших себя «беспокойными мечтателями» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 86).

Безусловно, вокруг императора всегда присутствовало множество личностей с сомнительной репутацией и целями, и в современных условиях очень сложно с предельной достоверностью сказать, кто, в каком объеме и с каким результатом действительно влиял на Николая II. Однако в нашем случае это сделать относительно несложно: аргументы и самого А.М. Безобразова, и его идейного вдохновителя В.М. Вонлярлярского, во-первых, задокументированы, а во-вторых, имеют конкретные результаты воплощения в действительность, поскольку у них получилось в значительной мере убедить императора начать активные действия на Корейском полуострове и противостоять монополии С.В. Витте на фактическое управление российской внешней политикой в регионе. Фоном же показаны и оформленные в представляемых императору документах аргументы и мнения других участников этого процесса: великого князя Александра Михайловича, графа И.И. Воронцова-Дашкова и барона В.Б. Фредерикса.

2. Материалы и методы

2.1. Источники и степень научной разработанности темы. Необходимо констатировать, что имеющаяся научная литература отличается схожими и зачастую дублирующими друг друга позициями и выводами. В процессе изучения материалов, относящихся к предмету исследования, нами использованы:

1) теоретические работы отечественных и зарубежных ученых – для облегчения понимания общеизвестных, но по-разному воспринимаемых категорий. Так, крайне важным в нашем исследовании является категория империи, поскольку именно имперские амбиции, прямо или косвенно, толкали как основных участников исследуемых событий, так и руководство страны к расширению сферы влияния России и установлению контроля над новыми территориями, даже находящимися за пределами юридически определенной государственной границы;

2) труды современных ученых в отношении политики России на Дальнем Востоке и персонала;

3) труды советских ученых, которые хоть и страдают однобокостью и классовым подходом, но содержат важный фактологический материал и отличаются широким использованием первоисточников.

Источниками исследования выступили неопубликованные материалы Российского государственного исторического архива (г. Санкт-Петербург) в составе нескольких дел: №№ 100 – Документы, касающиеся лесной концессии на Ялу, экспедиций для исследования лесных богатств Кореи, учреждения Восточно-Азиатской компании и др., [собранные В.М. Вонлярлярским] (*Каталог, 2010: 61-65*); 262 – О поездке министра финансов на Дальний Восток с целью инспекции Китайской Восточной железной дороги (*Каталог, 2010: 101-102*), Дело 272 – О переговорах Маньчжурского горнопромышленного товарищества с Бушем относительно экспедиции для исследования золотоносного района реки Ялу-цзян. Часть II (*Каталог, 2010: 102*), 275 – О пребывании на Дальнем Востоке д. ст. сов. Безобразова с целью получения концессии на эксплуатацию лесов на Ялу-цзяне. Часть I (*Каталог, 2010: 102-104*), 275: О пребывании на Дальнем Востоке д. ст. сов. Безобразова с целью получения концессии на эксплуатацию лесов на Ялу-цзяне. Часть II (*Каталог, 2010: 104*). Но нам в рамках заявленной темы интересно прежде всего дело № 100: (далее – Дело № 100), поскольку именно в нем содержатся письма, записки и другие документы, которые докладывались непосредственно Николаю II, тогда как другие коллекции располагают лишь внутренней перепиской участников описываемых событий между собой или с третьими лицами, исключая участие императора. Их оценка – задача будущих наших исследований. Коллекция Дела № 100 состоит из трех условных частей, первая располагает 24 документами за авторством следующих лиц: 1 документ Н.Г. Матюнина, 5 документов В.М. Вонлярлярского, 14 документов А.М. Безобразова и между ними вкрапленные позиции великого князя Александра Михайловича, барона В.Б. Фредерикса и графа И.И. Воронцова-Дашкова, а именно:

По материалам Н.Г. Матюнина: (1) записка от 1.12.1897 г.

По материалам В.М. Вонлярлярского: записки (2) от 26.02.1898 г. и (3) от 2 августа 1899 г.; (4) письмо от 12 февраля 1903 г. и (5) всеподданнейший доклад от 12.02.1903 г., а также (6) справка от 31 мая 1903 г.

По материалам А.М. Безобразова: записки (7) от 28 февраля 1898 г., (8) от 30.04.1898 г., (9) от 13 июня 1898 г., (10) от 22 июля 1898 г., (11) недатированная записка (предположительно, март 1899 г.); (12) письмо от 17 апреля 1901 г., (13) письмо и (14) схема проекта от 24 апреля 1901 г., (15) письмо и (16) проект высочайшего повеления от 24 апреля 1901 г., (17) письмо и (18) меморандум от 31.01.1902 г., а также доклады (19) от 17.06.1901 г. и (20) от 20.01.1902 г.

По материалам других лиц: (21) записка великого князя Александра Михайловича от 30 мая 1898 г., (22) всеподданнейший доклад барона В.Б. Фредерикса от 6 мая 1898 г. и (23) его записка от 2.06.1900 г., а также (24) письмо на нее графа И.И. Воронцова-Дашкова.

Вторая часть представляет собой единый документ под названием «Исторический очерк, составленный В.М. Вонлярлярским: «Корейское дело. I часть. Экспедиция в Сев. Корею в 1898–99 гг.», состоит из трех глав (I–III) (*РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 46-59*) с изложением автором собственной точки зрения на исследуемые события. Несмотря на субъективный характер многих суждений и явно прослеживаемое предубеждение в отношении С.Ю. Вите и его окружения, является очень ценным источником данных о процессе создания Восточно-Азиатской промышленной компании, с нюансами и результатами, весьма детальными, большая часть которых пока не нашла свое отражение на страницах трудов современных ученых.

И, наконец, третья часть Дела № 100, состоящая из 8 глав (IV–XI), составленная неизвестным лицом, но в том же стиле, что и предыдущие главы, уделяет пристальное внимание деталям исследуемых событий и другим, служащим фоном создания Восточно-Азиатской промышленной компании, предпринимая попытку объяснить многие позиции, шаги и действия «безобразовцев» (*РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 60-103*).

Б.А. Романов поясняет природу создания этого ценного для нас материала: «...В начале декабря 1904 г. царь поручил Вл. М. Вонлярлярскому (одному из «концессионеров») составить исторический очерк всего дела, с 1898 г. начиная, и посвящать, при случае, «благонадежных лиц в истинные задания концессий» (*Романов, 1922: 443*). Такой очерк Вонлярлярским вчерне был составлен, но, насколько нам известно, опубликован не был и лишь в маленькой части своей включен был автором в изданную им ... брошюру о чукотском эпизоде. Сохранилась копия этого очерка и части документов, которые «имелось в виду к нему приложить» (*Романов, 1922: 444*). Поскольку некоторые документы из приведенного перечня находятся в Архиве внешней политики Российской империи, это позволило гарантировать достоверность текстов исследуемых документов, часть из которых была копиями, а часть – копиями копий оригиналов.

Как говорилось выше относительно русских концессий в Корею, в фондах Российского государственного исторического архива имеется несколько дел, информация о которых содержится в «Каталоге документов РГИА по истории Кореи и русско-корейских отношений. Вторая половина XIX

– начало XX века. Выпуск 1» ([Каталог, 2010](#)). Каталог ценен тем, что в нем в аннотированном виде имеется перечень всех упомянутых документов, а также отдельные биографические данные участников исследуемых событий.

Значительный интерес в качестве источника представляют мемуары С.Ю. Витте ([Витте, 1924](#)), занимавшего в тот период пост министра финансов и фактически руководившего внешней политикой России на дальневосточном направлении. Также в числе источников использованы сборники договоров и других документов, в том числе нормативно-правового характера.

2.2. Методика исследования

Методика исследования включала общие методы: сбор данных, предполагающий поиск архивного материала, использование трудов ученых, погруженных в заявленную проблематику; тематический мониторинг научных изданий, современных исследуемому периоду, с целью выявления сведений, относящихся к предмету исследования; метод анализа документов, позволивший точно и объективно осуществить формализованный анализ позиций, содержащихся в исследуемых документах; системный подход позволил оценить внешнеполитическую ситуацию в регионе Восточной Азии в русле российских национальных интересов, а также имело место обращение к ситуационному анализу, который позволил сопоставить стратегии и действия основных участников исследуемых процессов в изучаемый период и результатов их претворения в жизнь.

Поскольку в ходе исследования мы опирались на концепцию империи, уместно упомянуть позицию М. Хардта и А. Негри, которые ведут речь об имперском влиянии и имперском сознании, распространяющемся «на все уровни социального порядка, достигая самых глубин социального мира» ([Хардт, Негри, 2004: 14](#)). Именно имперское сознание и представляет для нас существенный интерес. Еще одну интересную особенность подсказывает британский социолог Кришан Кумар, аргументирующий отграничение империй от просто больших государств его транснациональным характером общественных отношений, экспортом своих институтов на периферию, «тем самым выстраивая мост между ними и создавая общую культуру, которая гарантирует, что институты и идеи метрополии всегда занимают доминирующее положение» ([Kumar et al., 2017: 16-17](#)). Данная позиция очень ярко проявила себя в вопросе создания и обеспечения существования иностранных, в том числе и русских, концессий в Китае, она же должна была быть воплощена и в концессионных отношениях в Корее. В схожем ракурсе рассуждает и Г. Мюнклер, выделяя характеристику имперского, которое не допускает даже формального равенства между центром и периферией, низводя подчиненных до статуса зависимых государств или же сателлитов, которые находятся в более или менее очевидной зависимости ([Мюнклер, 2015: 27](#)). В этом ключе категория суверенитета нивелируется, а положение, которое заняла Корея после 1897 г., приобретя статус империи формально, фактически выводило ее из-под зависимости империи Цин и ставило ее в зависимость от двух других империй – Российской и Японской. Британский историк Доминик Ливен среди прочих признаков выделяет региональное могущество ([Ливен, 2007](#)), раскрывая его как способность играть ключевую роль в региональной или глобальной политике своего времени ([Ливен, 2010: 298-299](#)). Рассуждения в этом ключе приводят нас к промежуточному выводу об ошибочности утверждения тех, кто полагал и полагает, что поводом к войне с Японией в 1904 г. стали корейские концессии. Более романтическая картина представлена позицией Н.К.Д. Фергюсона, придающего этой категории политики миссионерский характер, ставя во главу угла распространение языка, различного рода общественных отношений, характерных для родительского государства, права, религии, культуры ([Фергюсон, 2013: 28](#)), приверженность высшим идеалам без экономической выгоды (политический альтруизм) и стремление привить определенную систему ценностей другим народам при наличии достаточных финансовых и военных ресурсов ([Фергюсон, 2013: 479-491](#)). Данный посыл будет часто встречаться в представленной переписке, подчеркивая «мирный характер» наступательной политики и стремление сделать нецивилизованные народы цивилизованными. В целом же набор характеристик империй составляет упоминаемую выше особую социальную систему и специфическую имперскую политическую форму, которая стремится к постоянному расширению ([Курас и др., 2018](#)) и при достижении своих пределов разрушается.

Здесь же следует добавить, что в данном исследовании мы не анализируем исторические события, фактаж и их фон и не комментируем процессы, которые послужили причиной, условиями или следствием приводимых в документах аргументов. Равным образом мы не даем характеристик личностям – только их взгляды и позиция. И наконец, важно отметить, что под собирательным названием «русские концессии на реке Ялу» присутствуют самые разнообразные предприятия и идеи их создания. Однако мы рассматриваем процесс влияния на мнение императора посредством концессии Ю.И. Бриннера в качестве основы будущей структуры и Восточно-Азиатской промышленной компании в качестве единой организации по контролю за регионом и в своем исследовании используем только документы, имеющие к ним отношение и адресованные императору, исключая внутреннюю переписку между собой указанных выше лиц («безобразовцев»). В текстах же этих документов нас интересуют только те аргументы, которые были направлены на обеспечение стратегического присутствия нашей страны на Корейском полуострове и в регионе, тем самым исключаются технические, экономические, статистические и прочие аспекты, служащие «аргументами для аргументов».

3. Обсуждение

Историография заявленного направления обширна и представлена как научными публикациями и диссертациями в области гуманитарных наук, так и учебными и справочными изданиями, однако весьма неоднородна в хронологии. Так, преобладающий объем материала охватывает послевоенный период и касается международных вопросов и внутренней политики двух Корей. В отношении же интересующего нас периода научных работ крайне мало, и их условно можно поделить на четыре группы. Первую составляют корееведческие исследования, к числу которых можно отнести работы, содержащие очерки «поставщиков» информации о Корее. Например, работа А.Н. Хохлова (Хохлов, 2006) содержит ценные сведения относительно властных структур, фигуры короля, Сеула, военной организации и участия российской стороны в обеспечении своего присутствия посредством военных инструкторов, учителей и другие вопросы, характеризующиеся как объективные и во многих случаях подтверждаемые консульскими донесениями и другими материалами, или труд Е.А. Ключевой об известном путешественнике Н.Г. Гарине-Михайловском (Ключева, 2019). Небольшой, но содержательный контент включает и работа С.О. Курбанова по истории Корейского государства (Курбанов, 2009).

Вторая группа представлена работами, освещающими взаимоотношения в геополитическом треугольнике Корея – Россия – Япония. Так, П.С. Пименов (Пименов, 2007) рассматривал один из базовых договоров в отношении Кореи своего времени – протокол Ниси-Розена – как временную и весьма эффективную меру защиты своих рубежей от Японии и обеспечения своего присутствия в регионе. Выгоды сотрудничества с Россией и ее роль в противостоянии японской агрессии исследует Бан Бен Юль (Бан Бен Юль, 2011). Попытка поразмышлять в этом направлении была предпринята З.А. Закировой (Закирова, 2016), рассуждающей о причинах столь сложных и напряженных отношений между корейским и японским народами.

Распространению в Корее христианства вообще, и православия в частности, посвящены труды третьей группы, представленные диссертацией Ли Сун Чула «Социокультурные особенности распространения христианства в Корее» (Ли Сун Чул, 2002), а также научными статьями К.В. Бирюковой (Бирюкова, 2012), П.Г. Ким (Домбаевой) (Ким, 2013), В.Ю. Ларченко (Ларченко, 2016) и др.

И наконец, среди иностранной литературы присутствуют как научные издания (Armstrong et al., 2005), в большинстве из которых в одной–двух главах/разделах вскользь упоминают, преимущественно в снисходительно-ехидном тоне, о «корейской авантюре» императорского правительства, так и справочный материал (Kowner, 2006; Kowner, 2009), описывающий или переписывающий в самых общих чертах события, факты, данные и имена, нашедшие свое отражение в отечественной научной литературе.

Исходя из приведенных данных, видно, что исследуемый нами период и охватываемые предметные области относительно русского стратегического присутствия в Корее, русско-корейских отношений вокруг единственной концессии Бриннера и потенциально других объектов экономических и политических (геополитических) интересов выпадают из научного поля как отечественных, так и зарубежных ученых и требуют восполнения.

4. Результаты

Ответ на вопрос: почему мнение Николая II в дальневосточной политике играло такую значительную роль (помимо того, что он объективно был главой государства), Сергей Юльевич дает в своих воспоминаниях: «Государь император желал вообще распространить влияние России на Дальний Восток и увлекался этой идеей именно потому, что в первый раз он вышел, так сказать, на свободу поездкою на Дальний Восток» (Витте, 1924: 35). Таким образом, помимо того, что император был натурой увлекающейся, Дальний Восток был для него чем-то очень личным, в связи с этим все вопросы, касающиеся данного направления, Николай II и решал лично.

У российского императора имелось собственное мнение и насчет политики на Корейском полуострове, изложенное в записке от 1 декабря 1897 г., составленной, судя по ее содержанию, поверенным в делах в Корее Н.Г. Матюниным. В ней Николай II высказывается о заинтересованности России в Корее как независимом государстве, подтверждая позицию о том, что «...мы не стремимся ни к завоеванию ее, ни даже к протекторату. Для России желательно видеть ее самостоятельную, почему должно пока ограничиваться достигнутым, именно инструкторскою частью и назначением Алексея советником по финансовой части» (АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 53. Л. 16; РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 1) и далее: «Усиленные вооружения Японии, видимо, направленные исключительно против нас, могут, к сожалению, повести через несколько лет к кровавому столкновению, вынести которое, так далеко отсюда, в вероятном одиночестве, будет нелегко; а пока нам надо поддерживать с ними, по возможности, добрые отношения» (АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 53. Л. 16; РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 1). История показывает, что все так и произошло, но было ли это неотвратимостью – вопрос, требующий отдельного исследования.

Несмотря на то, что «двигателем» «корейского проекта» был А.М. Безобразов, его взгляды, позицию и приемы, используемые им для формирования мнения Николая II на заявленную

проблему, мы исследуем ниже. Сначала же необходимо обратиться с аналогичным аспектам В.М. Вонлярлярского, который не только сохранил документы, являющиеся источником настоящего исследования, но и с заслуживающей благодарности скрупулезностью вел хронику событий и процессов, имеющих целью консолидировать все концессии и прочие ресурсы и усилия по обеспечению российского присутствия на Корейском полуострове. В нашем распоряжении имеется 5 документов, которые упоминаются в Деле № 100. Само дело хранит 3 из них, 2 документа – письмо и записка – упоминаются, но отсутствуют, а наибольший интерес представляет именно первый документ.

Итак, начало всему «корейскому проекту» было положено поименованной в собрании документов Владимира Михайловича «Запиской, поданной Государю Императору через графа И.И. Воронцова-Дашкова, и на которую воспоследовало высочайшее соизволение на покупку Лесной концессии купца Бриннера как средства для начала насаждения в Корее несомненных русских интересов», датированной 26 февраля 1898 г. Объемный восьмистраничный труд представляет собой проект программы по обеспечению русского присутствия на Корейском полуострове, преисполненный имперских мотивов в лучших их проявлениях, перемежающийся с прикладными рекомендациями «под ключ» и содержащий при этом вдохновляющие послы даже для современного читателя.

В качестве вводной документ погружает читателя во внутривосточное положение Кореи с противоборством партий или групп влияния, экономическое состояние и потребность в деньгах, ситуацию с природными богатствами и претензиями на них иностранного элемента. Далее следует разъяснение, что имеющиеся иностранные «концессии и договоры, мало напоминают обыкновенные промышленные и коммерческие контракты в других государствах: ...в них сплошь и рядом выговаривается особое привилегированное положение в Корее для представителей компаний, которые являются руководителями целых отраслей промышленности и бесконтрольными распорядителями отдельных частей государственного управления Кореи» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 206.), предполагая при этом, что за контролем над экономикой и промышленностью последует военный и политический контроль над страной, создающий опасность для нашего государства и его интересов, которую необходимо предотвратить. В.М. Вонлярлярский заводит речь о «мирном завоевании малокультурных стран и народов», сравнивая явно провальную в этом направлении политику России, где нет единого координирующего центра, а «редкие предприниматели действуют враздолье, без всякой определенной системы, преследуя пока исключительно цели материальной наживы», с британской политикой в Трансваале.

Затем автор выводит мысль на «сложный и опасный восточноазиатский вопрос и далее вводит всегда безупречно работающий козырь внешнего врага, говоря о том, что «не пора ли проснуться и русским людям и, пока еще не поздно, парализовать хитроумную политику наших врагов и начать бороться в Корее за свои собственные, «чисто русские» интересы» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 3). Здесь Владимир Михайлович намеренно и, совершенно не лукавя, подчеркивает ненасильственные способы проникновения в другие страны, которыми всегда пользовались наши соотечественники, чем «завоевывали себе всеобщие симпатии и приобретали вес и положение» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 3 об.).

Апеллируя к географической близости, и к сохранившемуся расположению к России внутри страны, он подводит читателя к мысли о том, что первым шагом должно стать «образование в России большой компании под названием Восточно-Азиатской с целью эксплуатации природных богатств Кореи и Восточной Азии» с детальным изложением состава учредителей, органов управления, механизмов правительственного контроля и гарантий равного удаления министерств, чьи интересы она может затронуть, от принятия решений ее руководством (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 4). Далее следовал пространный перечень рекомендаций по тому, кто и в какой мере должен быть допущен к процессу управления и распределения ресурсов и рекомендации относительно необходимости адекватного отношения к корейскому правительству, «которое в этом направлении, теперь крайне стесненное в средствах, отдаст львиную часть своих доходов предпринимателям» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 4 об.). И затем записка вновь приобретает имперский тон, обрисовывающий общий итог предприятия в виде получения «не только имущественных прав, но прав на влияние и руководство в стране». Заканчивается записка почти гимном будущей компании и всей политике в этой части региона: «Труден только первый шаг, а затем Русские люди пойдут охотно по проторенной дороге и сами охотно понесут свои капиталы и свои труды на достижение намеченных компанией целей» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 506.).

Содержание исследуемого документа позволяет предположить, что его автор неплохо был знаком с ситуацией внутри страны, однако слабо представлял международную обстановку относительно Корейского государства и тот факт, что в его отношении имелось почти два десятка международных договоров, 6 из которых были с участием России и весьма четко определяли и положение Кореи на международной арене, и пределы участия в ее жизни третьих стран. К тому же в текст очень подробно вплетены предложения о создании так или иначе коммерческого предприятия (хоть бы и с предложением придать ему «официозный» статус). Это наталкивает на мысль о том, что

именно эта затея и главенствовала при составлении записки, и все зависело от того, сработают прочие аргументы или нет. И они сработали. Заинтересованность императора «корейским проектом» активизировала работу всей команды, о чем речь пойдет в части анализа документов за авторством А.М. Безобразова. Следующие полтора года именно его рукой составлялось большинство документов, из которых император получал основную часть информации о «корейском проекте».

В.М. Вонлярлярский в качестве источника информации проявляется лишь 2 августа 1899 г. с запиской (под №№ 87, 88 и 89 в Деле, но отсутствующей в числе собранных им документов) о представлении членов экспедиции по исследованию Северной Кореи с очерком всей деятельности (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 58об.-59). Помимо полученных сведений об исследуемой территории, записка ценна тем, что содержит информацию о том, что «население Северной Кореи симпатизирует русским и ждет их прихода, а также, что японцы еще туда не проникли» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 59). Таким образом, имперские амбиции подпитывались миссионерской составляющей о необходимости избавления корейского населения от японской угрозы. И после этого Владимир Михайлович исходит из орбиты «корейского проекта» ввиду его заморозки и возвращается в него лишь в 1903 г.

12 февраля 1903 г. на имя императора он направляет письмо (под № 166 в Деле, но отсутствующее в числе собранных им документов) с просьбой о разрешении лично представить доклад о Маньчжурском горнопромышленном товариществе, однако получает отказ в этом и распоряжение представить информацию письменно, «что и было сделано в краткой записке» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 91), датированной тем же числом. Забегая вперед, отметим, что данное Товарищество было делом рук их противника С.Ю. Витте с целью не допустить в регион конкурентов в лице Восточно-Азиатской промышленной компании. Поэтому тон записки – соответствующий. Ни планов, направлений или проектов, ни отчетов по ним записка не содержит, составлена сухим языком бюрократа и, в отличие от документов, исходящих в этот же период от А.М. Безобразова, о чем речь пойдет ниже, не содержит умозаключений и предположений, однако имеет легкий выпад в адрес министра финансов или его приближенных: «...Министр Финансов изъявил готовность сообщить мне те мероприятия, которые были им приняты для захвата возможно большего количества концессии в Маньчжурии и предложил передать их мне для оборудования при помощи иностранных капиталов» и далее «... для этой цели весной минувшего 1902 г. было образовано Министерством Финансов фиктивное Горнопромышленное Товарищество из следующих лиц...» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 42). Акцентируется внимание на расходовании товариществом не частных, а государственных средств: «Означенное Товарищество черпало необходимые денежные средства непосредственно из Государственного банка, Русско-Китайский банк в денежных выдачах или ссудах не участвовал...» и далее «На средства Товарищества, или иначе, на средства Государственная банка...» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 42) с описанием происходивших процессов. В-третьих, разыгрывается русофильская карта: «Политический результат деятельности Товарищества мог быть только отрицательный, ввиду участия Ротштейна, за которым стоит Ротшильд. Товарищество явилось на казенные деньги лишь неудачным конкурентом той организации, которая имеет счастье работать уже 6-й год под непосредственным руководством Вашего Императорского Величества». (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 42об.). В заключении Владимир Михайлович признается, что в своих переговорах не был в достаточной мере откровенным с С.Ю. Витте относительно своего проекта, «... дабы он не воспользовался им и снова при содействии Ротштейна не испортил моей идеи, подобно тому, как он сделал с образованием Горнопромышленного Товарищества в противовес идеи образования Восточно-Азиатской промышленной компании» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 43).

И наконец, пятый документ – это справка, подготовленная Владимиром Михайловичем на себя в третьем лице и датированная 31 мая 1903 г. Объемный документ на 4 листах нам интересен в части характеристики «корейского проекта», которому уделено не очень большое внимание по сравнению с организованным им в 1902 г. «Северо-Восточным Сибирским Обществом», о котором обмолвимся ниже. Обозначая свою роль как «крупного деятеля по образованию большой русской Компании, по образцу английских Chartered Co, для мирного завоевания Кореи» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 44), он упоминает об экспедиции в эту страну и приобретении на средства Кабинета Его Императорского Величества лесной концессии Ю.И. Бриннера. Позиция министра Императорского двора В.Б. Фредерикса по поводу участия Кабинета будет отражена ниже. Далее В.М. Вонлярлярский констатирует провал создания Компании и свой выход из дела в 1899 г., на чем повествование относительно предмета нашего исследования прекращается.

В целом же роль Владимира Михайловича можно констатировать, во-первых, как здравомыслящего и объективного человека, видящего собственную выгоду и не прикрывающегося при этом напускным патриотизмом и заботой о государственных интересах. Об этом же пишет, правда в более язвительном ключе, и С.Ю. Витте: «Некоторые же, из-за узконациональной точки зрения, были не особенно склонны к притоку иностранных капиталов в Россию и только тогда оказывали этому содействие, когда лично, в той или другой форме, были заинтересованы в создании этого или другого завода или в той или другой эксплуатации наших натуральных богатств. Эта заинтересованность большею частью выражалась в том, что эти господа получали места в правлениях

частных обществ или получали выгоду в других формах», далее следовал краткий рассказ о «Чукотском деле» В.М. Вонлярлярского и вывод о том, что он «как истинно-русский человек, который должен разрабатывать национальные богатства руками русских людей и посредством русских капиталов, получил, в конце концов, по желанию его величества, концессию на разработку золотых приисков на Чукотском полуострове. Через несколько месяцев после того, как эта концессия была дана Вонлярлярскому, он ее продал иностранцам, получив таким образом в свой карман совершенно незаслуженную прибыль» (Витте, 1924: 206).

Во-вторых, его роль можно характеризовать как роль идеолога, основательно и аргументированно подошедшего к своей задаче, результатом которой стало высочайшее одобрение идеи и последующие события, описанные в характеристике документов А.М. Безобразова. Ему удалось сформировать положительное мнение императора о «корейском проекте», а уже реализация была возложена на других людей, которые эту задачу провалили. Вместе с тем нельзя не отметить его манипуляторных способностей, в частности при выработке термина «мирное завоевание»: рассудительный Владимир Михайлович прекрасно понимал, что подобное воплотить в действительности невозможно и даже при наличии достаточного количества экономических и политических рычагов японцы будут готовы перейти к более радикальным действиям, поэтому и России, ввязываясь в проекты в данном направлении, необходимо было уделять значительное внимание военной стороне вопроса. Однако этот аспект В.М. Вонлярлярский, будучи сам военным человеком, вниманием обошел.

Отношение А.М. Безобразова к происходящему и позиции, доносимые до императора, а значит и аргументы влияния на него, позволяют узнать 14 документов, которые упоминаются в Деле № 100. Само дело хранит 11 из них, 3 записки упоминаются, но отсутствуют. Так, первая из них, фигурирующая в «Историческом очерке», составленном В.М. Вонлярлярским (под № 13 и 14 в Деле № 100, дата неизвестна, отсутствующая в числе собранных им документов) (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 52), содержала принципиальные соображения Александра Михайловича о планируемом предприятии, которые были доложены императору 28 февраля 1898 г. графом И.И. Воронцовым-Дашковым на основе записки В.М. Вонлярлярского. В ней Александр Михайлович Безобразов высказывал соображения относительно возможности заключения соглашения с американцами и другими иностранными капиталистами «на частной коммерческой почве», по поводу чего великий князь Александр Михайлович, ставший в качестве доверенного лица императора на первых порах во главе предприятия, представил 30 мая 1898 г. собственную записку. В ней, по словам В.М. Вонлярлярского, «указывалось на невозможность пользоваться услугами банковских элементов (т.е. Ротштейна) для создания «реальных» русских интересов на Дальнем Востоке и на необходимость создания для активной деятельности другой организации, более надежной и отнюдь не интернациональной» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 54). Далее А.М. Безобразов высказывал предложения о предоставлении Японии «некоторых материальных выгод в Корею», которые бы дали возможность избежать с ней военного столкновения. Сам же граф от себя добавлял, что существование концессии Ю.И. Бриннера давало возможность высылки экспедиций «под прикрытием», которые, демонстрируя лишь частный интерес, могли бы собирать и предоставлять необходимую стратегическую информацию.

Информация В.М. Вонлярлярского и аргументы А.М. Безобразова, лично имевшего доступ к императору, оказались настолько убедительными, что Николай II «признал государственную важность затронутого вопроса» и, мотивируя это тем, что поскольку предприятие преследует государственные цели, то «было бы неправильно заставлять частных лиц тратить свои деньги на эту экспедицию» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 52), исходя из чего отдал распоряжение обсудить выделение на нее денежных средств с министром императорского двора, должность которого занимал В.Б. Фредерикс, с последующим представлением нового доклада.

Таким образом, первый из безобразовских документов Дела № 100 очертил контуры имперских амбиций одного из главных действующих лиц «корейского проекта». Контуры же эти были весьма своеобразными: безусловно, они вписывались в общую концепцию имперского мышления о расширении сферы своего влияния; безусловно, они имели государственный (а не частный) характер и государственное участие; однако специфичности добавляла убежденность в мирном характере и исходе дела, вера в то, что [японскую] державу [читай – империю-контрагента/конкурента] можно было бы «вывести из игры» материальными преференциями (а мы помним, что империя во многом потому и империя, что цель для нее не всегда или в большинстве случаев не оправдывает средства), а также готовности [на первых порах] делиться выгодами с иностранными партнерами. Подобное же видение, как мы убедимся ниже, демонстрировали и другие участники т.н. «безобразовской клики».

Спустя два месяца, 30 апреля 1898 г., императору была представлена вторая записка (№ 16 в Деле № 100), касающаяся в основе своей юридической стороны вопроса. Составленная из 8 пунктов, первым из них записка констатирует существование в Корейском государстве обычного права, «на основании которого в стране частной собственности нет и все принадлежит Королю или Императору Кореи». Это своеобразие существенно облегчало доступ иностранцев к природным

богатствам страны, поскольку не предполагала сложных юридических процедур, о чем и говорил пункт 2 записки: «Пользуясь этой особенностью Страны, частная предприимчивость иностранных капиталов захватывает постепенно в виде концессий естественные богатства страны и имеет возможность владеть этою собственностью на вполне обоснованном юридическом праве». Пункт 6 излагается в имперском ключе и разъясняет экономические, геополитические и военные преференции «корейского проекта». Удобное расположение корейских и наших дальневосточных лесов, с одной стороны, гарантирует спрос на него со стороны иностранного капитала, а с другой – завладение Кореей предоставляло возможность «лишить строевого материала все неблагонадежное для наших государственных целей – неприятеля» и далее «..под Флагом этого чисто торгового предприятия свободно могут быть произведены все военные работы по исследованию местности, устройству сообщений, продовольственных организаций, опорных пунктов и, наконец, может быть выдвинут вперед наш боевой авангард, переодетый в платье лесных рабочих, стражников и вообще служащих по лесному делу, где площадь больше 5000 кв. верст. Число этих служащих может свободно дойти до 20 и более тысяч человек ввиду тех таксационных работ, которые по концессии обязательны. Эти силы можно растянуть в любом направлении по всей Северной Корее» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 6 об.), а пункт 7 гарантировал анонимность участия императора в задуманном предприятии (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 7). Таким образом, «мирное завоевание» Кореи предполагало существенное увеличение русского военного контингента в регионе в нарушение положений русско-японского (Сеульского) меморандума (более известного как Меморандум Вебера–Комуры), подписанного 14 (по ст. ст. 2) мая 1896 г. (Гримм, 1927: 106-107), по условиям которого численность военных как с японской, так и с российской стороны не могла превышать полутысячи человек.

Третья записка от 13 июня 1898 г. (под № 37 в Деле № 100, но также отсутствующая в числе собранных В.М. Вонлярлярским документов) и предлагала усиление экспедиционной группы четырьмя людьми (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 54 об.), что было связано с намерением прокладки железнодорожной ветки на полуостров, то есть с расширением имперского пространства, поэтому она и присутствует в нашем исследовании.

Следующий, четвертый документ, датированный 22 июля 1898 г. и доложенный 25 июля того же года, представляет собой подробный геополитический военно-тактический план-аргументацию с перечислением проектов транспортно-логистических сетей, географических объектов, локаций и их преимущества, тех или иных шагов для решения определенных, прежде всего – военных, далее – политических и экономических задач и т.п. (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 54 об.). Текст преисполнен имперской риторики, и уже в первом пункте (из шести) важность происходящих событий обуславливается обеспечением «самоустойчивости государства», а следующим пунктом разъясняется, что «наша будущая естественная гегемония в Азии и спокойное ею обладание зависит от занятых нами государственных стратегических позиций», уязвимость которых наиболее болезненно ощутимой окажется на тихоокеанском направлении, тогда как «владея этим [Корейским] полуостровом и спорными пунктами на его флангах, Владивостоком и Порт-Артуром, мы занимаем центральное и командующее положение относительно Японии и всего северного Китая» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 15-15 об.). В конце документа автор характеризует представленную программу «естественным путем, по которому ведет Россию Провидение для того, чтобы она могла исполнить свое призвание и быть державою мирового посредничества» и далее «практический вывод из всего вышесказанного есть следующий»: 1) России нужна Корея; 2) на реализацию плана нужны деньги для постройки транспортных путей; 3) деньги можно получить из международных источников (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 170б.). Таким образом, документ, пестрящий повторами и сумятицей, представлял собой и не инструкцию (или ее изложение), и не программу, а, за отсутствием в окружении императора в момент его передачи великого князя Александра Михайловича и И.И. Воронцова-Дашкова в качестве «рационального звена» проекта, еще один инструмент убеждения Николая II в правильности выбранного внешнеполитического курса на Дальнем Востоке. И, несмотря на высказанный в первой записке от 28 февраля 1898 г. «мирный характер завоевания Кореи», данная записка от 22 июля 1898 г. явно изобиловала военными механизмами и подспудно допускала использование концессии Ю.И. Бриннера в не совсем-таки мирных целях.

В пятой записке (под № 76 в Деле № 100, отсутствующей в числе собранных В.М. Вонлярлярским документов), представленной императору А.М. Безобразовым с подачи В.М. Вонлярлярского в марте 1899 г., содержалась идея выделения в структуре Добровольного флота отдельного самостоятельного подразделения во главе с великим князем Александром Михайловичем в виде особого коммерческого отдела, под чьим покровительством предполагалось вести работу и осуществлять деятельность Восточно-Азиатской промышленной компании. Аргументацией подобного решения служило убеждение В.М. Вонлярлярского в различии государственных и частных интересов и невозможности «заставить частных людей работать на пользу Правительства и в ущерб иногда себе» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 570б.). Данный документ является во многом определяющим судьбу «корейского проекта», поскольку на обозначенную в нем просьбу, при участии генерал-адмирала великого князя Алексея Александровича, был получен однозначный отказ, в результате чего И.И. Воронцов-Дашков и А.М. Безобразов временно отошли от дел, великий князь

Александр Михайлович также высказал желание выйти из него, а В.М. Вонлярлярскому было поручено составить окончательный доклад и закончить дело (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 58), чем завершался первый этап «корейского проекта» и образовывался перерыв сроком в два года, в течение которого А.М. Безобразов и его окружение пытались создать Восточно-Азиатскую промышленную компанию, затем снабдить ее статусными учредителями, когда это не вышло, найти состоятельных партнеров, когда и это не вышло, снова выйти на императора и его волей активизировать процесс.

В промежутке между первым и вторым этапами активной деятельности по созданию в отношении «корейского проекта» единой централизованной структуры шла «кабинетная борьба», яркой иллюстрацией которой являются два документа – записка министра Императорского двора В.Б. Фредерикса и письмо его предшественника на этом посту – И.И. Воронцова-Дашкова. Первый документ явился ответом на предложение А.М. Безобразова по «денежному участию Кабинета Его Величества» (в лице министерства Императорского двора) в деятельности Восточно-Азиатской промышленной компании. Очевидно, не вникая в детали и подробности, Николай «соизволил одобрить предположение Безобразова образовать подобные образом Восточно-Азиатскую промышленную компанию, причем повелено было переговорить с Министрами Финансов, Иностранных Дел и Императорского Двора и поставить их в известность, «что выгоды Кабинета желательно ограничить законным процентом на действительно затраченный капитал, всю же остальную денежную пользу употребить на нужды отдаленной окраины, в деле народного образования, постройки православных храмов» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 75-76). Записку можно условно разделить на экономическую и политическую части, в каждой из которых министр высказывает опасения относительно целесообразности участия возглавляемой им структуры в проекте.

Первый же абзац записки демонстрирует ту рациональность, с которой Владимир Борисович подходил к делу, в связи с чем следует воспроизвести этот абзац полностью: «В предположениях об образовании товарищества на паях «Восточно-Азиатская Промышленная Компания», учредители говорят о необходимости предоставить Кабинету Его Величества доминирующее значение (в тексте записки подчеркнуты последние четыре слова) в названном предприятии. При этом не указано, должна ли преобладающая роль Кабинета выражаться в затрате капитала (подчеркнуты два слова) или же, ввиду, быть может, признаваемого государственного значения предприятия, оно должно находиться под руководством Правительственного органа (подчеркнуты четыре слова), близко стоящего к Верховной Власти» с высказыванием сомнений относительно рентабельности предприятия, а «Экспедиция 1898 года, снаряженная для всестороннего уяснения дела и стоившая Кабинету 250 т. руб., дала лишь скудные сведения и никаких точных исследований, на которых возможно было бы обосновываться в решениях» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 230б.). Практическая же роль Кабинета такова, что, поскольку этот государственный орган был призван решать другие задачи и не имел соответствующих уровню компетенции должностных лиц в своем штате для осуществления управления или какой бы то ни было координации им, то, как иронично подмечает барон, «роль Кабинета Его Величества низводится до степени исполнительного органа учреждаемого товарищества, когда по ходу дел потребуются денежные содействие Кабинета», и далее следует, по нашему мнению, шедевр министерской риторики: «Переходя к предположению о зачислении за Кабинетом Его Величества безденежных паев (подчеркнуты два слова), необходимо иметь в виду, что этот способ участия Кабинета в предприятии представляется совершенно несоответствующим положению и достоинству Кабинета и не может даже считаться допустимым по закону. Материальное участие Кабинета уже определилось произведением расходов в 250 т. руб., что равняется пятидесяти паям учреждаемого товарищества. Выдача же даровой премии в 250 т. руб. или фиктивных паев на ту же сумму, представляясь совершенно неприемлемою в нравственном порядке, вместе с тем уменьшает на ту же сумму капитал товарищества, и без того далеко несоразмерный с обширностью задач, принимаемых на себя товариществом.

Что касается предоставлению Кабинета Его Величества еще 100 паев для размещения по своему усмотрению или для сохранения за собою (подчеркнуты двенадцать слов), то Кабинет, не имея в виду лиц, которых он мог бы привлечь к участию в этом деле, и не имея права пользоваться своим высоким в ряду Государственных учреждений положением для размещения паев в публике, будет поставлен в необходимость сохранить и эти паи за собою, что равносильно новой затрате капитала в 500 т. руб.

Если учредители желают укрепить за Правительством руководящее начало в предприятии, то казалось бы наиболее Надежным привлечь к этому Министерство Финансов (подчеркнуто название), которое обладает многочисленными средствами как для обеспечения материального успеха дела, путем приискания безусловно благонадежных капиталистов, так и для необходимого надзора и руководства, и вместе с тем, конечно, может испрашивать и получать указания относительно государственных задач предприятия» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 23 об.).

И в заключение следует резюме о том, что участие Кабинета нецелесообразно и по политическим мотивам, поскольку сохранить это в тайне не получится, а пресса, прежде всего зарубежная, воспользуется этим для нагнетания слухов, что только навредит делу.

На этот документ имеется письмо И.И. Воронцова-Дашкова от 4 июня 1900 г., в котором он уверяет Николая II в безопасности намеченного предприятия: «Фредериксу пугаться нечего. Капитал должен быть возвращен из первых прибылей, последующие могли бы идти, согласно резолюции Вашего Величества» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 25), представляя ситуацию так, как будто бы возврат вложенных средств был гарантирован сам собой. Да и на политическую составляющую Илларион Иванович не обращал или не хотел обращать внимания, продолжая оказывать легкое убеждение в необходимости создания общества: «От решения Вашего Величества зависит формирование Общества» и далее следует преисполненная раболепства теза о том, что участники «корейского проекта» «идут в дело идейно, чтобы сослужить службу Вам и России; ежели нам не будет ясно, что мы работаем для Вас и под Вашим покровительством, то, вероятно, большинство от дела откажется, не желая, потеряв свое знамя, отдать время и труд на увеличение средств X-а, Z-а или Y-а при могущих измениться взглядах Г.Г. Министров» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 25). Очевидно, без покровительства императора и при вероятности обогащения на задуманном посторонних лиц патриотизм и интересы страны не работали и их защита утрачивала актуальность. Как известно, ни аргументы, ни подобные манипуляции результата не дали и Компания на исследуемый период времени создана не была.

В очередную активную фазу конкретных предложений и действий «корейский проект» перешел в 1901 г. Так, шестая записка А.М. Безобразова (под № 129 в Деле № 100, отсутствующая в числе собранных В.М. Вонлярларским документов), датированная 17 апреля 1901 г., имела целью организацию совместной работы с министром финансов по «выполнению тех государственных задач, которые на нее надлежало возложить» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 83). Имперские амбиции Александра Михайловича предполагали решении двух задач, первой из которых было заручиться поддержкой той государственной структуры, которая в целом обеспечивала присутствие в Восточной Азии, фактически управляя т.н. «восточным проектом»: контроль над Русско-Китайским банком, КВЖД и сопутствующими структурами. Второй задачей было склонить на свою сторону самого влиятельного государственного деятеля империи – С.Ю. Витте, ярого противника А.М. Безобразова и его окружения. На записку был дан положительный ответ императора, в результате чего участники «корейского проекта» посчитали возможным (как оказалось – преждевременно) совместную работу с министром финансов, однако различие видения внешней политики на Дальнем Востоке сделало вопрос совместной деятельности невозможным.

А далее Александр Михайлович шагнул еще шире, и спустя неделю, 24 апреля 1901 г., на имя Николая II было подано письмо с приложением Схемы проекта для урегулирования т.н. «маньчжурского вопроса». Пикантности ситуации придавал тот факт, что процесс происходил на фоне выработки Заключительного протокола, подписанного 7 сентября 1901 года между Китаем и 11 державами и определяющего позиции держав и в Китае, и в регионе после подавления восстания ихэтуаней. Проект состоял из семи пунктов. Так, пункт 1 был призван закрепить за Маньчжурией статус «зарубежного края, находящегося в исключительном положении как относительно нас, так и относительно Китайской Империи». Данная и следующие формулировки напоминали те, которые присутствовали в Конвенции о Ляодунском полуострове, подписанной в Пекине 15 марта 1898 г. (*Сборник договоров, 1952: 309*) и во «Временном Положении об управлении Квантунской областью» от 16 августа 1899 г. (*Полное собрание законов, 1902: 948-960*), сформировавшие правовую основу системы гражданского управления территорией (*Дацышен, 2014: 271*) и выстраивающие универсальную систему управления восточными окраинами (*Казанцев, Салогуб, 2012: 133*), которую и воспроизводил пункт 3 проекта Схемы (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 32-32 об.). Предложенная А.М. Безобразовым схема могла служить «разменной монетой» в большом «восточном проекте»: С.Ю. Витте и его ведомство получали контроль не только над полосой отчуждения КВЖД, но и фактически над всей Маньчжурией с соответствующими статусами и полномочиями, аналогичными статусу и полномочию Е.И. Алексеева, а А.М. Безобразов и его сторонники – поддержку Министерства финансов и относительную свободу действий. Следующие документы вселяли надежду на возможность эффективного взаимодействия.

Так, 17 июня 1901 г. А.М. Безобразов представил Николаю II доклад о переговорах его с министрами финансов и государственных имуществ и его результатах. Первым абзацем автор сообщает о предполагаемом рассмотрении Комитетом министров Устава Восточно-Азиатской промышленной компании. Далее, приняв характер изложения личных впечатлений, доклад тем не менее содержит ряд интересных положений. Так, в третьем абзаце при изложении беседы с министром государственных имуществ А.С. Ермоловым речь шла о государственном (паевом) участии в деятельности Восточно-Азиатской компании в Корее и влиянии его на российские интересы в Маньчжурии. Любопытной выглядит фраза, касающаяся финансовой стороны проекта: «Вообще, безденежное оборудование денежного дела, опираясь на штыки и наш престиж победителя, я старался противопоставить тем рутинным нашим приемам, когда наши победы служили только поводом для экономических поражений» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 33). В данном случае А.М. Безобразов, судя по всему, пытался убедить собеседника (или использовать данный прием для убеждения императора, что более вероятно) в том, что «корейский проект», кроме экономических,

не несет в себе военных рисков и угроз. Это было особенно важно в связи с позицией императора, изложенной выше.

Девятый и десятый документы представляют собой датированные 24 июня 1901 г. «Проект высочайшего повеления на имя г. министра земледелия и государственных имуществ» и поясняющее его суть письмо. Для большего понимания ситуации сначала необходимо ознакомиться с содержанием проекта повеления, а затем – с его комментарием. Трехстраничный документ начинался с восторженной апелляции к памяти Александра III и его политики в отношении Дальнего Востока – региона, который нуждался «в мирном развитии промышленных и торговых выгод России и в их разумном и справедливом согласовании с интересами наших соседей и других культурных народов», и далее следовало подтверждение миролюбивой политики действующего императора: «Таковы же мысли и чувства составляют основу и Наши радетельных помышлений о мероприятиях, полезных для этой отдаленной окраины русской земли, которой долженствует стоять на высоте современных условий международной, промышленной жизни» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 36). Таким образом, геополитическое положение русского Дальнего Востока объективными обстоятельствами было вынуждено стремиться к своему экономическому развитию и вплетению в систему международных отношений в Восточной Азии.

Второй строкой предполагалось установить в отношении шести российских подданных монопольные права на осуществление разведки и добычи «всех без исключения полезных ископаемых, эксплуатации лесов, рыбных и других морских промыслов во всей Приморской области с островами и на о. Сахалин с предоставлением означенным лицам означенной Компании пользования сказанными правами на особо льготных условиях, подробную разработку коих, для последующего представления на Мое утверждение, возложить на Министра Земледелия и Государственных Имуществ» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 36). К числу таковых относились участники т.н. «безобразовской клики» – И.И. Воронцов-Дашков, В.М. Вонлярлярский, А.М. Абаза, а также, для усиления позиций Восточно-Азиатской промышленной компании, чьими учредителями объявлялись и первые, и вторые, будущий убийца Г.Е. Распутина князь Ф.Ф. Юсупов, граф Сумароков-Эльстон, обер-церемониймейстер при императрице Александре Федоровне и отец расстрелянной в Перми фрейлины А.В. Гендриковой граф В.А. Гендриков, а также «шталмистер Двора Его Императорского Величества полковник Лейб-Гвардии Кавалергардского Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полка» М.А. Серебряков, состоявший при великом князе Владимире Александровиче, отце будущего самоназванного в эмиграции российского императора Кирилла I. Столь высокие чины должны были вознести статус создаваемой компании на недостижимую для министров финансов высоту. Забегая вперед, скажем, что усилиями С.Ю. Витте ни одна из этих персон в число учредителей не вошла (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 84).

Переходя к самому письму, отметим, что оно имеет жесткий и весьма откровенный характер как в отношении намеченного дела, так и в отношении самого С.Ю. Витте: имеет место обвинение Сергея Юльевича в исключении «первоначально намеченных учредителей для лишения начинающегося дела даже имен известных и кредитных и обращения его в полный аноним. Этот прием мог отнять у меня возможность образовать лично серьезное общество, так как по существу моей главной поддержки я обязан молчать. Тогда являлась возможность или обезличить дело окончательно, или его лишить должного делового интереса» с предложением радикальных мер: «Этот план нужно в корне разрушить приемом неожиданным и корректным, иначе дело вынуждено остановиться вперед до того времени, когда у нас будет новый Министр Финансов. Это мое глубокое убеждение» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 34). И уже затем следует аргументация по консолидации ресурсов [а-г)], управлять которыми и призвана создаваемая Компания.

Помимо сетования на «хищнически спекулятивный характер» концессионеров и биржевиков, их «вред государству и народу» [а)] и безответственность «за неправильно направленные концессионные дела», следует предложение возложить эту ответственность на «сотню-другую состоятельных и именитых людей, серьезно выбранных и вразумленных», имея под этим собирательным образом, скорее всего, себя и своих сторонников и противопоставляя их «ординарному Министру и сотне-другой чиновников его ведомства» [б)] (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 34 об.), что фактически звучало как обвинение одного из влиятельнейших людей империи и его окружения в ограниченности и посредственности.

И, наконец, следовал безапелляционно работающий в отношении императора аргумент мирного характера предпринимаемой кампании, к которому, как мы могли видеть из предыдущих документов и увидим из текста последующих, А.М. Безобразов и его сторонники прибегали регулярно. При этом пункт г) содержал еще один прием, успешность которого оказалась проверена временем и который и по сей день «включается» всякий раз, когда заканчиваются рациональные аргументы – это «образ врага»: «В политическом же отношении – это новый шанс для мирного согласования интересов, направленных в такую точку, где в настоящую минуту, скорее всего, можно бояться недоразумений и ожидать искусственно созданную нашими врагами непонятливость: раз с нашей стороны делаются серьезные шаги в торгово-промышленном отношении, то очевидно, что мы

воевать не желаем...» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 34об.). Таким образом А.М. Безобразов, предполагая обеспечить за министром финансов Маньчжурию, отводил своей Компании место фактического владельца не только приграничных с Кореей пространств с потенциальной возможностью влияния на ее политику, но и территории значительной части русского Дальнего Востока с выдворением оттуда конкурентов как из числа иностранцев, так и соотечественников.

Ради справедливости надо отметить, что как раз в это время его главный партнер В.М. Вонлярлярский отказался входить в число учредителей Восточно-Азиатской промышленной компании, однако оказался в числе таковых при создании другой организации под наименованием «Северо-Восточное сибирское общество», председателем правления которого он и стал. Годом ранее, 15 июня 1901 г., на арену выходит английское Общество изысканий в Северо-Восточной Сибири (*Об утверждении...*, 1901: 12), в пользу которого 1 июля 1901 г. состоялся запрет на ведение любой деятельности, связанной с полезными ископаемыми и другими природными богатствами Приморской области, исключая Чукотский полуостров (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 86), что Александр Михайлович воспринял как посягательства конкурентов на собственные интересы, о чем не преминул сообщить императору в одиннадцатом документе – недатированном письме (предположительно – июль того же года), в котором он характеризует ситуацию с английской компанией как «колоссальный подвох, на основании которого разыгрывается огромная биржевая игра, для которой Россия, в лице ее высших правительственных учреждений, дает материал и обстановку» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 37). В довершение всех неприятностей 5 июля 1902 г. (Лукоянов, 2008: 154) с подачи С.Ю. Витте и при участии А.Ю. Ротштейна создается Маньчжурское горнопромышленное товарищество (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 89), также впоследствии ставшее провальным дальневосточным проектом (Романов, 1947: 387-389).

В начале 1902 г. А.М. Безобразов предпринимает очередную попытку реанимации «корейского проекта». 20 января 1902 г. он направляет на имя императора доклад. Двенадцатый из исследуемых документов представлял собой своеобразный план консолидации усилий. Во-первых, предлагалось консолидировать усилия между отечественными и «франко-американскими интересами около большой Кабинетской концессии и эту коалицию противопоставить японскому искательству» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 39). Во-вторых, предлагалось консолидировать усилия по освоению лесных богатств посредством объединения корейских и маньчжурских концессий, «чтобы владеть правом во всем бассейне реки Ялу; это право и деятельность проявляются сперва в устройстве заставы у устья р. Ялу..., а затем уже пойдет естественный рост лесного дела и нашего влияния с устройством полицейской охраны...» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 39). Спустя 10 дней, 31 января 1902 г., императору был представлен Меморандум, в котором в русофильском стиле раскрывались цели создания и формат деятельности Восточно-Азиатской промышленной компании, а также в обличительном тоне давалась оценка роли и значения Русско-Китайского банка. Заявленная цель образования Восточно-Азиатской промышленной компании, дословно – «создание вполне благонадежного русского общества как склад для концессий Дальнего Востока с тем, чтобы эксплуатация этих концессий преимущественно служила для русских государственных и частных интересов, а биржевая их ценность не подвергалась невыгодным колебаниям от временного не соотношения спроса с предложением» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 40) – выглядела слабо, и даже при первом знакомстве становилось понятно, что речь идет о степени влияния и участия, контроля и присутствия. Прямо заявляя о противодействии «со стороны г. Витте», Александр Михайлович начинает «давить на болевые точки» императорского самолюбия и переходит к противопоставлению Компании Русско-Китайскому (в тексте документа – Русско-Корейскому, от руки надпись «Китайский» и знак вопроса) банку. И далее следует череда умозаключений относительно неясности и смешения видов его деятельности, ущербности официального государственного статуса и показной зависимости «в интимно-финансовом же отношении», связи с иностранным капиталом и «основанием предполагать, что мы главным образом этим банком работаем для иностранных интересов», [потенциальной] возможностью «творить массу злоупотреблений, которые никогда нельзя будет вывести на чистую воду», и вывод о том, что «очень желательно – ввести Русско-Китайский банк в его чисто банкирские рамки, предоставив ответственную манипуляцию с концессиями другому частно-официозному обществу с вполне русским и благонадежным персоналом» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 40 об.). Вкупе большинство аргументов строилось на предположениях и сводилось к известным «дуракам и дорогам»: неудовлетворительному управлению на местах, злоупотреблениям, спекуляциям и намекам на казнокрадство, засилью иностранного элемента и прочим исконно русским бедам, актуальным и по сей день, равно как и предлагаемые меры для борьбы с ними.

И, наконец, четырнадцатым документом выступает сопроводительное к Меморандуму письмо А.М. Безобразова Николаю II тем же числом, в котором Александр Михайлович, используя приемы противопоставления, предстает «бессильным» борцом и проигравшей стороной с «всесильным» С.Ю. Витте, используя в отношении министра финансов и его окружения нелестные выражения: «он так ловко пользуется этим оптическим обманом, что никакая борьба невозможна»; «Витте, беспорочно, создал себе доминирующее положение в среде своих коллег на почве служебной

эквilibристики»; открыто высказывая свою неприязнь – «глубоко ненавижу и презираю г. Витте и его систему», выставляя Сергея Юльевича человеком, преследующим личные амбиции, равно как и его окружение (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 41-41 об.). Пораженческий дух и роль жертвы были явно на руку Александру Михайловичу, поскольку параллельно шла работа над консолидацией уже не экономических, а политических ресурсов в форме наместничества, что завершило собой идею Восточно-Азиатской промышленной компании, но открывало новый проект, закончившийся поражением в грядущей войне.

В целом же роль А.М. Безобразова можно характеризовать в качестве тактика, преследующего при этом, скорее, личные, чем государственные выгоды, в отличие от В.М. Вонлярлярского, который никогда не скрывал того, что он – предприниматель и безвыгодные (безденежные) дела ему не интересны. Динамика риторики, как и динамика аргументов, с помощью которых Александр Михайлович пытался сформировать мнение императора Николая II в отношении всего «корейского проекта», равно как и в отношении его составных частей, подтверждают эту позицию. Демонстративен отход от патриотических устремлений, сквозящих в документах до 1899 г., требующих защиты русских интересов на Дальнем Востоке, призывающих к борьбе с врагами государства, и в первую очередь с Японией, побуждающих к формированию коалиций и т.д. Начиная с 1901 г., наблюдается переход к прагматичному выстраиванию «кабинетной игры» и противостоянию с оппонентами в лице тех или иных государственных деятелей, перетекающий в откровенную борьбу за ресурсы и влияние, заканчивающийся мелочностью взглядов и суждений, клеветой и клеветами, также попытками сведения личных счетов. В результате прав был С.Ю. Витте, называя эти действия интригой или «позорно погибшей авантюрой Безобразова и компании» (Витте, 1924: 319), завершившейся присвоением А.М. Безобразову статуса статс-секретаря императора и утверждением наместничества на Дальнем Востоке (Витте, 1924: 195).

5. Заключение

Переходя к выводам, оговоримся, что, на наш взгляд, в доведении ситуации до состояния войны был виноват не только и не столько А.М. Безобразов, сколько общее состояние государственного управления и государственного механизма на начало XX в. как в целом в России, так и в его дальневосточном воплощении – в частности. Вместе с тем не стоит снимать с него и его сторонников ответственность полностью. Безусловно, император принимал решения самостоятельно, однако, как и всякое мнение, оно формировалось при условии не только внутренней убежденности, но и под воздействием его окружения. В результате Николай II получал итоговый информационный продукт в виде тщательно выверенной и зачастую «рафинированной» позиции или ее антитезы, что весьма затрудняло адекватность восприятия действительности в связи с объективным отсутствием альтернативных источников информации. Этим и пользовался А.М. Безобразов, выступая главным «технологом» «корейского проекта». Сочувствующий подвижникам государственного дела и патриотам, царь был вовлечен в «корейский проект» его имперскими амбициями и государственными задачами. Из представленных документов видно, с каким упорством «безобразовцы» «эксплуатировали» национальные интересы, мирный характер своей инициативы, его высоко миссионерскую задачу, бескорыстное служение Родине и прочие возвышенные категории. И лишь между строк читались суммы, проглядывал потенциал экономических и финансовых выгод, стремление к политическому влиянию как в регионе, так и в империи в целом. Именно поэтому представляемая едва ли не как единственно действенный механизм обеспечения наших интересов в Корее Восточно-Азиатская промышленная компания так относительно легко забывается в 1903 г. после раздачи должностей и статусов. А манипуляция сознанием императора, приемы которой, например, обращение к патриотическим чувствам и противопоставление «нашего, русского» «их, иностранному», использовалась и далее, что привело страну к губительной революции 1917 г. и ее кровавым последствиям.

Вместе с тем не стоит переоценивать и степень влияния А.М. Безобразова и его сторонников, поскольку ни у него не получилось полностью реализовать свой план, ни у его противников – «обезвредить» Александра Михайловича и его «дружину» и не допустить до дел Дальнего Востока. Как результат – пострадали национальные интересы страны, которые не всегда были в приоритете в кабинетной борьбе. Исходя из этого, можно предположить, что в выстраивании международных отношений и внешней политики, равно как и в медицине при спасении человеческой жизни, а в юриспруденции – при защите прав и свобод, цель не должна оправдывать средства.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00502 «Институты российского/советского стратегического присутствия в Восточной Азии в XX в.».

Литература

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.

Бан Бен Юль, 2011 – Бан Бен Юль. Национально-освободительное движение Кореи и российский Дальний Восток (1905–1910 гг.) // *Таможенная политика России на Дальнем Востоке*. № 2 (55). 2011. С. 110–117.

Бирюкова, 2012 – Бирюкова К.В. Начало православия в Корее // *Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки»*. № 1 (45). 2012. С. 442–446.

БСЭ – Большая советская энциклопедия. В 66 томах / Гл. ред. О. Ю. Шмидт. 1-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1927. Т. V. 1927. Словник: Барыкова – Бессалько. 832 стб.

Витте, 1924 – Витте С.Ю. Воспоминания: Царствование Николая II. 2-е изд. Л.: Гос. изд-во, 1924. Т. 1. 471 с.

Гримм, 1927 – Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925) / Проф. Э.Д. Гримм. М.: Издание Института востоковедения им. Н.Н. Нариманова, 1927. 219 с.

Дацышен, 2014 – Дацышен В.Г. История российско-китайских отношений в конце XIX – начале XX вв. М.: Директ-Медиа, 2014. 593 с.

Дацышен, 2016 – Дацышен В.Г. Конфликт на КВЖД. Из опыта использования силового давления для разрешения межгосударственных противоречий // *Statum et legem*. № 6. 2016. С. 25–37.

Дацышен, 2018 – Дацышен В.Г. СССР и Маньчжоу-Го: проблемы советского признания квазигосударства // *Statum et legem*. № 10. 2018. С. 38–52.

Закирова, 2016 – Закирова З.А. Насильственное открытие Кореи как причина антияпонизма в Корее / *Азиатско-Тихоокеанский регион: история и современность (Материалы международной научно-практической конференции молодых ученых)*. 2016. С. 63–65.

Казанцев, Салогуб, 2012 – Казанцев В.П., Салогуб Я.Л. Высшие чиновники Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX века (к вопросу о статусе Приамурских военных губернаторов и Главного начальника Квантунской области) // *Вестник Академии права и управления*. № 2. 2012. С. 126–137.

Каталог, 2010 – Каталог документов РГИА по истории Кореи и русско-корейских отношений. Вторая половина XIX – начало XX века. Выпуск 1 / Под ред. Б.Б. Пак. М.: Восточная литература, 2010. 255 с.

Ким, 2013 – Ким П.Г. Истоки христианизации Кореи на рубеже XIX–XX веков // *Преподавание истории в школе*. № 1. 2013. С. 76–78.

Клюйкова, 2019 – Клюйкова Е.А. Образ Кореи в путевом дневнике Н.Г. Гарина-Михайловского «По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову» // *Казанская наука*. № 2. 2019. С. 18–21.

Курас, 2015 – Курас Л.В. «Великое Монгольское государство» атамана Семенова: государство, которого не было // *Statum et legem*. № 1 (4). 2015. С. 84–96.

Курас и др., 2018 – Курас Л.В., Кальмина Л.В., Михалев А.В. Капитаны российской восточной политики: рубеж XIX–XX вв. Рук. проекта, отв. ред. Б.В. Базаров / Науч. ред. Л.М. Дамешек. Иркутск: Изд-во «Отгиск», 2018. 112 с.

Курбанов, 2009 – Курбанов С.О. История Кореи с древности до начала XXI в. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2009. 680 с.

Ларченко, 2016 – Ларченко В.Ю. Установление христианства в Корее: религиозные взаимоотношения России и Кореи // *Вестник Международного центра азиатских исследований (Материалы научно-практической конференция «Народы России, Сибири и стран Востока: история и современность»)*: Иркутск, 2016. С. 29–33.

Ли Сун Чул, 2002 – Ли Сун Чул. Социокультурные особенности распространения христианства в Корее. Диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии. Кемерово, 2002. 157 с.

Ливен, 2010 – Ливен Д. Империя, история и современный мировой порядок / Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М.: Новое издательство, журнал «Ab Imperio», 2010. 428 с.

Ливен, 2007 – Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М.: Европа, 2007. 688 с.

Лукоянов, 2008 – Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб.: Нестор-История, 2008. 116 с.

Мюнклер, 2015 – Мюнклер Г. Империи. Логика господства над миром: от Древнего Рима до США / Герфрид Мюнклер; пер. с нем. Л.В. Ланника // Под ред. Т.А. Граблевской; коммент. и вступ. ст. Л.В. Ланника. М.: Кучково поле, 2015. 400 с.

Об утверждении..., 1901 – Об утверждении условий деятельности в России английского акционерного общества под наименованием «Общество изысканий в Северо-Восточной Сибири», с ограниченной ответственностью // *Горный журнал*. № 7 (июль). 1901. С. 12.

Пешков, 2014 – Пешков И.О. Следы российской Маньчжурии в приграничных городах России и Китая // *Statum et legem*. № 1. 2014. С. 44–57.

Пименов, 2007 – Пименов П.С. Русско-японское соперничество в Корее в конце XIX века и «Протокол Ниси-Розена» // *Альманах современной науки и образования*. № 2. 2007. С. 74–78.

[Полное собрание законов, 1902](#) – Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Том XIX. Отделение 1. 1899 г. Государственная типография: СПб, 1902. 1347 с.

[Романов, 1922](#) – Романов Б.А. Витте и концессия на Ялу. Документальный комментарий к «Воспоминаниям» Витте. В кн. «Сборник статей по русской истории», посвященный С.Ф. Платонову. Пг. 1922. С. 425-459.

[Романов, 1947](#) – Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895–1907). М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1947. 496 с.

[Романов, 1928](#) – Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма / Л.: Изд. Восточного института, 1928. 605 с.

[РГИА](#) – Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 560 (Общая канцелярия министра финансов). Оп. 28. III отделение, 1887–1917 гг. Д. 100.

[Сборник договоров, 1952](#) – Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 / Под ред. Е.А. Адамова // Сост. И.В. Козьменко. М.: Госполитиздат, 1952. 464 с.

[Фергюсон, 2004](#) – Фергюсон Н. Империя: чем современный мир обязан Британии / М.: АСТ: CORPUS, 2013. 560 с.

[Хардт, Негри, 2004](#) – Хардт М., Негри А. Империя / Пер. с англ., под ред. Г.В. Каменской, М.С. Фетисова. М.: Праксис, 2004. 440 с.

[Хохлов, 2006](#) – Хохлов А.Н. Журналист-востоковед С.Н. Сыромятников и его материалы о Корее конца XIX – начала XX века // *Восточный архив*. № 14-15. 2006. С. 52-64.

[Цыбенков, 2017](#) – Цыбенков Б.Д. Дауры на пути к национальной автономии. Очерки истории (1912–1958 гг.) // *Statum et legem*. № 7. 2017. С. 65-76.

[Цыремпилов, 2015](#) – Цыремпилов Н.В. Конституционная буддийская теократия Лубсан-Самдана Цыденова (1918–1922): основной закон и структура государства // *Statum et legem*. № 1 (4). 2015. С. 61-70.

[Armstrong et al, 2005](#) – Armstrong Ch.K., Rozman G., Kim S.S., Kotkin St. Korea at the Center: Dynamics of Regionalism in Northeast Asia/ Ch.K. Armstrong, G. Rozman, S.S. Kim, St. Kotkin. London: Routledge Pub., 2005. 344 p.

[Kowner, 2006](#) – Kowner R. Historical Dictionary of the Russo-Japanese War. Lanham, Maryland, US: Scarecrow Press Pub., 2006. 567 p.

[Kowner, 2009](#) – Kowner R. The A to Z of the Russo-Japanese War. Lanham, Maryland, US: Scarecrow Press Pub., 2009. 344 p.

[Kumar, 2017](#) – Kumar K. Visions of Empire: How Five Imperial Regimes Shaped the World. Princeton: Princeton University Press, 2017. 576 p.

References

[Armstrong et al, 2005](#) – Armstrong Ch.K., Rozman G., Kim S.S., Kotkin St. (2005). Korea at the Center: Dynamics of Regionalism in Northeast Asia. London: Routledge Pub, 344 p.

[AVPRI](#) – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii [Archive of the foreign policy of the Russian Empire]. [in Russian]

[Ban Ben Yul', 2011](#) – Ban Ben Yul'. (2011). Natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie Korei i rossiiskii Dal'nii Vostok (1905–1910 gg.) [The National Liberation Movement of Korea and the Russian Far East (1905–1910)]. *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke*. №2 (55), pp. 110-117. [in Russian]

[Biryukova, 2012](#) – Biryukova K.V. (2012). Nachalo pravoslaviya v Koree [The beginning of Orthodoxy in Korea]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. № 1 (45), pp. 442-446. [in Russian]

[BRE](#) – Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya. V 66 tomakh [Great Soviet Encyclopedia. In 66 volumes]. Soviet encyclopedia, T. V, Slovník: Barykova – Bessal'ko. 832 stb. [in Russian]

[Datsyshen, 2014](#) – Datsyshen V.G. (2014). Istoriya rossiisko-kitaiskikh otnoshenii v kontse XIX – nachale XX vv. [History of Russian-Chinese relations in the late XIX – early XX centuries]. Direkt-Media, pp. 593. [in Russian]

[Datsyshen, 2016](#) – Datsyshen V.G. (2016). Konflikt na KVZhD. Iz opyta ispol'zovaniya silovogo davleniya dlya razresheniya mezhgosudarstvennykh protivorechii [Conflict on the CER. From the experience of using force pressure to resolve interstate contradictions]. *Statum et legem*. № 6, pp. 25-37. [in Russian]

[Datsyshen, 2018](#) – Datsyshen V.G. (2018). SSSR i Man'chzhou-Go: problemy sovetskogo priznaniya kvazigosudarstva [USSR and Manzhou-Go: problems of Soviet recognition of a quasi-state]. *Statum et legem*. № 10, pp. 38-52. [in Russian]

[Fergyuson, 2004](#) – Fergyuson N. (2004). Imperiya: chem sovremenniy mir obyazan Britanii [Empire: what the modern world owes to Britain]. AST: CORPUS, 560 p. [in Russian]

[Grimm, 1927](#) – Grimm E.D. (1927). Sbornik dogovorov i drugikh dokumentov po istorii mezhdunarodnykh otnoshenii na Dal'nem Vostoke (1842–1925) [Grimm E.D. Collection of treaties and other documents on the history of international relations in the Far East (1842–1925)]. Prof. E.D. Grimm. M.: Izdanie Instituta vostokovedeniya im. N.N. Narimanova, 219 p. [in Russian]

Katalog, 2010 – Katalog dokumentov RGIA po istorii Korei i rusko-koreiskikh otnoshenii. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka. Vypusk 1 [Catalog of documents of the Russian State Property Agency on the History of Korea and Russian-Korean Relations. The second half of the XIX – the beginning of the XX century. Issue 1]. Pod red. B.B. Pak. M.: Vostochnaya literatura, 2010, 255 p. [in Russian]

Kazantsev, Salogub, 2012 – *Kazantsev V.P., Salogub Ya.L.* (2012). Vysshie chinovniki Dal'nego Vostoka vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka (k voprosu o statuse Priamurskikh voennykh gubernatorov i Glavnogo nachal'nika Kvantunskoi oblasti) [Top officials of the Far East in the second half of the XIX – early XX centuries (on the status of the Amur military governors and the Chief of the Kwantung region)]. *Vestnik Akademii prava i upravleniya*. № 28, pp. 126-137. [in Russian]

Khardt, Negri, 2004 – *Khardt M., Negri A.* (2004). Imperiya [Empire]. Praksis, 440 p. [in Russian]

Khokhlov, 2006 – *Khokhlov A.N.* (2006). Zhurnalists-vostokoved S.N. Syromyatnikov i ego materialy o Koree kontsa XX – nachala XX veka [Journalist-orientalist S.N. Syromyatnikov and his materials about Korea at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries]. *Vostochnyi arkhiv*. №14-15, pp. 52-64. [in Russian]

Kim, 2013 – *Kim P.G.* (2013). Istoki khristianizatsii Korei na rubezhe XIX–XX vekov [The origins of Christianization of Korea at the turn of the XIX – XX centuries]. *Prepodavanie istorii v shkole*. № 1, pp. 76-78. [in Russian]

Klyuikova, 2019 – *Klyuikova E.A.* (2019). Obraz Korei v putevom dnevnike N.G. Garina-Mikhailovskogo «Po Koree, Man'chzhurii i Lyaodunskomu poluostrovu» [The image of Korea in the travel diary of N.G. Garina-Mikhailovsky "On Korea, Manchuria and the Liaodong Peninsula"]. *Kazanskaya nauka*, № 2, pp. 18-21. [in Russian]

Kowner, 2006 – *Kowner R.* (2006). Historical Dictionary of the Russo-Japanese War. Lanham, Maryland, US: Scarecrow Press Pub., 567 p.

Kowner, 2009 – *Kowner R.* (2009). The A to Z of the Russo-Japanese War. Lanham, Maryland, US: Scarecrow Press Pub., 344 p.

Kumar, 2017 – *Kumar K.* (2017). Visions of Empire: How Five Imperial Regimes Shaped the World. Princeton: Princeton University Press, 576 p.

Kuras, 2015 – *Kuras L.V.* (2015). «Velikoe Mongol'skoe gosudarstvo» atamana Semenova: gosudarstvo, kotorogo ne bylo [“The Great Mongolian State” by Ataman Semenov: a state that did not exist]. *Statum et legem*. № 1(4), pp. 84-96. [in Russian]

Kuras et al, 2018 – *Kuras L.V., Kal'mina L.V., Mikhalev A.V.* (2018). Kapitany rossiiskoi vostochnoi politiki: rubezh XIX – XX vv. [Captains of Russian Eastern Policy: The Turn of the 19th – 20th Centuries]. «Ottisk», 112 p. [in Russian]

Kurbanov, 2009 – *Kurbanov S.O.* (2009). Istoriya Korei s drevnosti do nachala XXI v. [The history of Korea from antiquity to the beginning of the 21st century]. SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pp. 680 [in Russian].

Larchenko, 2016 – *Larchenko V.Yu.* (2016). Ustanovlenie khristianstva v Koree: religioznye vzaimootnosheniya Rossii i Korei [The establishment of Christianity in Korea: religious relations between Russia and Korea]. *Vestnik Mezhdunarodnogo tsentra aziatskikh issledovaniy (Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsiya «Narody Rossii, Sibiri i stran Vostoka: istoriya i sovremennost'»)*, Irkutsk, pp. 29-33. [in Russian]

Li Sun Chul, 2002 – *Li Sun Chul.* (2002). Sotsiokul'turnye osobennosti rasprostraneniya khristianstva v Koree. Dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata kul'turologii [Sociocultural features of the spread of Christianity in Korea. The dissertation for the degree of candidate of cultural science]. Kemerovo, 157 p. [in Russian]

Liven, 2007 – *Liven D.* (2007). Rossiiskaya imperiya i ee vragi s XVI veka do nashikh dnei [The Russian Empire and its enemies from the 16th century to the present]. Evropa, 688 p. [in Russian]

Liven, 2010 – *Liven D.* (2010). Imperiya, istoriya i sovremenniy mirovoi poryadok [Empire, history and modern world order]. M.: Novoe izdatel'stvo, zhurnal «Ab Imperio», 428 p. [in Russian]

Lukoyanov, 2008 – *Lukoyanov I.V.* (2008). «Ne otstat' ot derzhav...» Rossiya na Dal'nem Vostoke v kontse XIX – nachale XX vv. [“Keep up with the Powers ...” Russia in the Far East at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries]. Nestor-Istoriya. 116 p. [in Russian]

Myunkler, 2015 – *Myunkler G.* (2015). Imperii. Logika gospodstva nad mirom: ot Drevnego Rima do SShA [The logic of world domination: from Ancient Rome to the USA]. Kuchkovo pole. 400 p. [in Russian]

Ob utverzhenii..., 1901 – Ob utverzhenii uslovii deyatelnosti v Rossii angliiskogo aktsioner-nogo Obshchestva, pod naimenovaniem: «Obshchestvo izyskanii v Severo-Vostochnoi Sibiri», s ogranichennoyu otvetstvennost'yu [On approval of the conditions for the activities of an English joint-stock company in Russia, under the name: "Society for Surveys in North-Eastern Siberia", with limited liability]. *Gornyi zhurnal*. № 7 (July), 1901. P. 12. [in Russian]

Peshkov, 2014 – *Peshkov I.O.* (2014). Sledy rossiiskoi Man'chzhurii v prigranichnykh gorodakh Rossii i Kitaya [Traces of Russian Manchuria in the Border Cities of Russia and China]. *Statum et legem*. № 1, pp. 44-57. [in Russian]

Pimenov, 2007 – *Pimenov P.S.* (2007). Russko-yaponskoe sopernichestvo v Koree v kontse XIX veka i «Protokol Nisi-Rozena» [Russian-Japanese rivalry in Korea at the end of the 19th century and the “Nishi-Rosen Protocol”]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya*. № 2, pp. 74-78. [in Russian]

Polnoe sobranie zakonov, 1902 – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobranie Tret'e. Tom XIX. Otdelenie 1. 1899 g. [Complete collection of laws of the Russian Empire. Assembly Third. Volume XIX. Branch 1. 1899]. Gosudarstvennaya tipografiya: SPb. 1902, pp. 1347. [in Russian]

Romanov, 1922 – *Romanov B.A.* (1922). Vitte i kontsessiya na Yalu. Dokumental'nyi kommentarii k «Vospominaniyam» Vitte. V kn. «Sbornik statei po russkoi istorii», posvyashchennyi S. F. Platonovu [Witte and the concession to Yala. Documentary commentary on Witte's Memoirs. In the book. "Collection of articles on Russian history" dedicated to S. F. Platonov]. Pp. 425-459. [in Russian]

Romanov, 1947 – *Romanov B.A.* (1947). Ocherki diplomaticheskoi istorii russko-yaponskoi voiny (1895–1907) [Essays on the Diplomatic History of the Russo-Japanese War (1895–1907)]. M.-L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 496 p. [in Russian]

Romanov, 1928 – *Romanov B.A.* (1928). Rossiya v Man'chzhurii (1892 -1906). Ocherki po istorii vneshnei politiki samodержaviya v epokhu imperializma [Russia in Manchuria (1892-1906). Essays on the history of the foreign policy of autocracy in the era of imperialism]. Ed. Oriental Institute, 605 p. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]. F. 560 (Obshchaya kantselyariya ministra finansov). Op. 28. III otdelenie, 1887-1917 gg. D. 100. [in Russian]

Sbornik dogovorov..., 1952 – Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami. 1856–1917 [Collection of treaties of Russia with other states. 1856–1917]. Gospolitizdat, 1952, 464 p. [in Russian]

Tsybenov, 2017 – *Tsybenov B.D.* (2017). Daury na puti k natsional'noi avtonomii. Ocherki istorii (1912-1958 gg.) [Daur on the way to national autonomy. Essays on History (1912-1958)]. *Statum et legem*, № 7, pp. 65-76 [in Russian].

Tsyrempilov, 2015 – *Tsyrempilov N.V.* (2015). Konstitutsionnaya buddiiskaya teokratiya Lubsan-Samdana Tsydenova (1918–1922): osnovnoi zakon i struktura gosudarstva [Constitutional Buddhist theocracy of Lubsan-Samdan Tsydenov (1918–1922): the basic law and state structure]. *Statum et legem*, № 1(4), pp. 61-70. [in Russian]

Vitte, 1924 – *Vitte S.Yu.* (1924). Vospominaniya : Tsarstvovanie Nikolaya II [Memoirs: The reign of Nicholas II]. 2-e izd. L.: Gos. izd-vo. T. 1, 471 p. [in Russian]

Zakirova, 2016 – *Zakirova Z.A.* (2016). Nasil'stvennoe otkrytie Korei kak prichina antiyaponizma v Koree [The violent discovery of Korea as a cause of anti-Japaneseism in Korea]. *Aziatsko-Tikhookeanskii region: istoriya i sovremennost' (Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh)*. Ulan-Ude, pp. 63-65. [in Russian]

Русские концессии на реке Ялу, 1897–1903 гг.: кто и как формировал мнение Николая II о «корейском векторе» имперской политики на Дальнем Востоке в преддверии Русско-японской войны

Павел Николаевич Дудин ^{a,*}

^a Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основании ранее не опубликованных документов Российского государственного исторического архива, адресованных Николаю II, исследуется процесс изменения мнения императора относительно политики России на Корейском полуострове, которая привела в 1904 г. к войне с Японией. Основной целью статьи явилась историко-политическая характеристика аргументации по обеспечению российских стратегических интересов на Корейском полуострове и в Восточной Азии, представленная Николаю II «безобразовцами» в период между назначением Н.Г. Матюнина первым поверенным в делах с Кореей и созданием наместничества на Дальнем Востоке. Сопутствующей целью явилось введение в научный оборот новых документов, содержащих в себе отражение событий, явившихся поворотными для нашей страны и повлекшими за собой необратимые социальные и политические процессы, приведшие к катастрофе 1917 г. Учитывая скудный багаж научного материала и исследовательских позиций по этому вопросу, а также целый ряд клише, сформированных в советский период в отношении исследуемых событий и персоналий, научная новизна представленной работы заключается в попытке переосмысления аргументов и действий участников «корейского проекта» не в ракурсе придворных интриг и борьбы за влияние, а в свете имперской идеологии и естественной потребности процесса расширения Российской империи на Дальний Восток. Впервые в отечественной историографии приводятся не выжимки из

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dudin2pavel@gmail.com (П.Н. Дудин)

документов, а их части, позволяющие читателю самостоятельно сделать вывод о состоятельности авторского суждения. Особое внимание уделяется аргументам, призывающим к укреплению позиций России в регионе и к механизмам их обеспечения, поскольку по прошествии века данная задача не утратила своей актуальности. В заключении приводятся выводы, отличающиеся от устоявшейся в науке позиции о причинах провала исследуемого проекта и роли каждого из его участников. Основной вывод состоит в том, что Николай II получал зачастую «рафинированную» информацию при активных попытках манипуляции его сознанием и убеждениями, что и привело к изменению его мнения о внешней политике России в этом направлении, но не обеспечило успех задуманного проекта.

Ключевые слова: концессии на реке Ялу, А.М. Безобразов, Николай II, С.Ю. Витте, В.М. Вонлярлярский, империя, Восточная Азия, Дальний Восток, Корея, Япония.